

Юрий Михайлик

Улыбнись, моя радость...

* * *

Улыбнись, моя радость, поговорим о любви,
пока над нами курлычут косяки перелетных ракет.
А у нас с тобой всей авиации – ласточки и воробьи,
а у нас с тобой никаких флотов да и армий нет.

Улыбнись, мое счастье, и смотри на меня, смотри,
не отрывая любимого взгляда, пока они жгут и лгут,
мы у этого века, к сожаленью, живьем внутри,
он безжалостен и спокоен – никуда они не убегут.

Улыбнись, моя радость, их ненависть – черный дым,
да, его не уносит ветром, здесь тысячу лет – война.
Я люблю тебя, дорогая, мы их не победим,
но и они не опустят нас в подвально-подлетные времена.

Улыбнись, мое счастье, поговорим о любви,
покуда подводные лодки прицеливаются из глубин.
Улыбнись, погляди – с нами ласточки и воробьи,
и киты, и дельфины, и кони – наш флот и пехота, и все как один.

* * *

На привольных, на фривольных, сердобольных островах
не бывает недовольных, даже если дело швах.

Ибо каждые полгода (регулярно, что ни год)
наилучшая погода вместо лучшей настает.
Там проклятые вопросы порешала вся страна,
там бананы и кокосы созревают у окна,
там любая нефертити и доступна, и жива,
и какие захотите – воля, доля и права.
Там играют в чет и нечет над морскою синевой,
проигравших обеспечат словом, кровом и жратвой.
И усвоил каждый школьник много лет тому назад,
что Бермудский треугольник – это, в сущности, квадрат,
в нем порядок и наука, тихий мир и сытый рай.
День пройдет – такая скука, хоть ложись да помирай.
Ну а если ищешь бури, ты свободен – удирай,
то ли в небо, то ли в море, кого хочешь выбирай.
И никто тебя не смеет, извини, гонять взашей.
Океан вдали синее, водка льется из ушей...
А у нас – зима, погода, жуткий ветер сквозь пальто,
друг народа, враг народа – для народа ты никто,
неизвестный и не местный, белый, красный, голубой,
и ужасно интересно, что тут сделают с тобой.

* * *

На ином, на другом языке
о народе, свободе...
Оглянись – там следы на песке,
полукруглые вроде.
В глухоте, в пустоте, в немоте
замер мерзнувший воздух,
И созвездья над нами не те –
в неопознанных звездах.
Ты прислушайся – речи пусты,
все слова без значенья,
и уносит мосты как плоты
за рычаньем теченья.

Не кричи – все равно не пойму
утаенное слово,
то, что зверем уходит во тьму
по следам зверолова.
На ином, на чужом языке –
незнаком, непонятен –
не зови – там следы на песке
из неведомых пятен.
Им иные нужны времена –
не из нашего века,
и, быть может, другая страна –
чуть южнее Певека.

* * *

Одна кончается война
и начинается другая.
И обе бешено ругая,
приходит беженка-весна.
Что в черном облаке летит –
звезда? метеорит? ракета?
За что? Куда? Но грянет где-то.
И всех попавшихся простит.
Побед не будет никогда.
Все лгут ракетные закаты.
Давно убитые солдаты
еще штурмуют города.
Я видел эти колеи
в весенней черноземной пашне,
где тонут танковые башни,
там все погибшие – мои.
Каким проклятьем ни грози,
куда ни глянь – все будет плохо.
Горит, горит моя эпоха,
в стыде буксуя и в грязи.

* * *

О чем и зачем – решать не мне,
может, белому облаку в вышине,
может, сизому отблеску на волне
или черным птицам на желтой стерне,

не своей гордыне и даже не вам,
вашей нежной любви к певучим словам...
Кто бы знал, для чего повторять стихи
одиноким огням в холодной степи.

Где-то в жизни моей – хоть пой, хоть плачь –
продолженьем Урала стоит Вайгач.
И гранитный замшелый его бережок
ни строки не запомнит, не сбережет.

Но в полярном сияньи цветная нить
тем, кто хочет понять, могла б объяснить,
отчеркнув твою жизнь коротким лучом,
это все – зачем, о чем и – почем.

* * *

В свою страну – в приполярный чум, –
по старым шкурам скользя.
Собаки свирепы. Хозяин угрюм.
Темно и дышать нельзя.
Смрад от коптилки уходит вверх,
А от скиснувшей браги – вниз,
вернулся в родной шестнадцатый век,
хочешь выжить – пригнись.
Еще привыкнешь – дыши, живи –
корми и кормись треской,
в оленьей крови, в тюленьей крови
и в самой сладкой – людской.

* * *

Прилетает орел для расправы – и клюет ему печень,
древнегреческой скукой и славой навсегда обеспечен.

Вот опять он клюет и бросает – то ли вправду наелся,
то ли впрямь от рутины спасает и титана, и Зевса.

Боль терпима. А скука несносна. Догорает эпоха.
Тот, кто дал нам огонь и ремесла, думал – это неплохо.

Понимал про орла и Зевеса, милосердствуя людям...
Но не знал – ни черта, ни бельмеса, – что мы можем и будем...

Прилетает орел недовольный – что ж ты делаешь, копать? –
вся округа – пожары да войны, в реках крови по локоть...

Там внизу разжиревшие грифы не попросят добавки,
там уже не легенды и мифы – только злобные байки.

Клюнет, плюнет и строго полого на Олимп улетает.
А богов в этом небе не много. И орлов не хватает.

